

Ирина БЛАГОДАТСКИХ

БУКОВИНА В РОССИЙСКО- РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы первой мировой войны судьбы Буковины, одной из исторических областей проживания русинов, решались на полях сражений и за столом переговоров. Главным претендентом на обладание ею, как ни странно, выступила не Россия, наследница Древней, Московской, Белой и Малой Руси, а созданная только в 1859 г. Румыния.

Проблемы российско-румынских отношений в годы первой мировой войны освещались в работах российских историков Ф.И. Нотовича, В.А. Емеца, в монографии и ряде статей В. Н. Виноградова¹. Исследование этих проблем позволило проследить ход дипломатической борьбы за вступление Румынии в войну, эволюцию внешнеполитической ориентации ее правящих кругов в период первой мировой войны. Российские исследователи определили сущность позиций правительств по вопросам о судьбе территорий, входивших в состав Австро-Венгерской империи, в том числе и Буковины. Вкратце она такова: Россия стояла за раздел края между нею и Румынией по «этнографическому принципу» (Северная Буковина, населенная в основном русинами, отходит к России, Южная, населенная в основном румынами, - к Румынии). Румынское же правительство, ссылаясь на «исторические права», требовало всю Буковину.

Проекты российско-румынского разграничения в Буковине, обсуждавшиеся в годы «вооруженного выжидания» Румынии, не были предметом специального изучения в российской историографии. Не уделяли внимания в обобщающих работах этому вопросу и румынские историки².

Цель настоящей статьи — детально проследить эволюцию позиций России и Румынии, показать приемы и методы сторон на переговорах.

В начале первой мировой войны Румыния оказалась в выгодном положении. Правящие круги Румынии давно вынашивали планы тер-

риториального расширения. Они предполагали реализовать свои замыслы, выждав удобный момент для вступления в вооруженную борьбу с наименьшими потерями и наибольшей выгодой. Обе воюющие группировки обещали крупные вознаграждения за счет противника, требуя военного выступления Румынии³.

Определившееся накануне войны российско-румынское сближение⁴ дало царской дипломатии основание сделать попытку привлечь Румынию к участию в войне на стороне Антанты. В начале августа 1914 г. министр иностранных дел России С.Д. Сазонов сообщил союзникам о переговорах с румынским посланником К. Диаманди, в ходе которых был выработан проект соглашения. Проект включал обязательство Румынии «оказать всеми своими военными силами содействие операциям России против Австро-Венгрии». Россия, в свою очередь, принимала на себя обязательство не прекращать войны против Австро-Венгрии до тех пор, пока «области Австро-Венгерской монархии с румынским населением не будут присоединены к Румынии»⁵. Однако предложения российской дипломатии, какими бы заманчивыми они ни были, не смогли заставить румынскую правящую элиту сделать в тот момент решительный шаг⁶.

Отклонив предложение России, румынское правительство в начале сентября попыталось выяснить, не может ли оно получить «компенсации в виде австрийских территорий с румынским большинством населения» взамен обязательства Румынии сохранять нейтралитет до конца войны⁷. Пытаясь вести «игру на двух столах», в эти же дни румынские правящие круги обсуждали с Центральными державами вопрос об уступке района Сучавы (Южная Буковина) Румынии, обещая выступить на стороне австро-венгерского блока (по существу, это был дипломатический блеф)⁸. В середине сентября в условиях быстрого продвижения российской армии по Буковине переговоры с Берлином и Веной утратили смысл.

Петроград предложил румынскому правительству занять часть Буковины. Идея исходила от российского посланника в Бухаресте С.А. Поклевского, который 14 сентября писал: «Было бы теперь полезным и своевременным конфиденциально предложить румынскому правительству занять румынскими войсками ту часть оккупированной нами Буковины, которая населена румынами»⁹. Это предложение, по мнению посланника, рассеяло бы возможные опасения в Бухаресте, что «Россия пожелает сама присоединить к себе некоторые румынские области Австрии»¹⁰.

Согласовав предложение с военным ведомством, министр иностранных дел России поручил 16 сентября 1914 г. посланнику в Бухаресте сделать румынскому правительству официальное сообщение: «Заняв

часть Буковины, Россия сделала первый шаг на пути освобождения этой провинции от австрийского владычества, освобождения, которого единодушно желают русский и румынский народы. В силу этого императорское правительство вновь обращается к королевскому правительству, призывая его к нему присоединиться в целях скорейшего достижения общей цели, и предлагает ему занять, со своей стороны, без промедления Южную Буковину и Трансильванию». Расположение российских и румынских войск в Буковине предлагалось установить по соглашению между главнокомандующими обеих армий на основании исключительно военных соображений, нисколько не предвещая последующего разграничения, которое, указывалось в заявлении, «будет в свое время произведено по соглашению между правительствами сообразно с этнографическим составом населения»¹¹.

С.Д. Сазонов предписывал посланнику в Бухаресте разъяснить премьер-министру И.И.К. Брэтиану: «После того как главные австрийские силы уже разбиты, занятие Южной Буковины и Трансильвании не потребует значительного количества войск»¹², Россия приглашает Румынию «взять то, что сейчас ей можно взять безо всякого усилия»¹³. Министр предложил посланнику дать широкую огласку в Румынии сделанному Россией заявлению, если, конечно, это окажется возможным¹⁴. «Необходимо, - писал С.Д. Сазонов, - чтобы народ и армия знали, что Россия, своими победами создавшая самые благоприятные условия для осуществления давнишней мечты румын, сама пригласила бухарестское правительство занять означенные области почти без всякого усилия, и что если Румыния не воспользуется этим, то вина за это падет исключительно на ее нынешнее правительство»¹⁵. Военное ведомство одобрило предложение С.Д. Сазонова. По мнению директора дипломатической канцелярии при ставке Н.А. Кудашева, это затруднило бы «всегда возможный в будущем поворот Румынии на сторону» австро-германского блока¹⁶.

Российские дипломаты даже подготовили проект совместной декларации России, Франции и Англии о поддержке Румынии в случае возможного нападения на нее Болгарии, если румынское правительство примет решение занять часть Буковины и Трансильвании¹⁷. Проект остался неосуществленным, так как бухарестский кабинет отказался принять предложение России, равнозначное немедленному объявлению войны Австро-Венгрии и Германии. По этой причине С.А. Полевский счел нежелательным придавать российскому предложению широкую огласку. Тем не менее, «сделанное нами предложение, - писал 24 сентября директор канцелярии Министерства иностранных дел России М.Ф. Шиллинг, - оказалось весьма полезным, наглядно показав румынам, что наше движение в Буковину не угрожает их нацио-

нальным вожделениям»¹⁸. Принятые российскими властями в Буковине административные меры произвели в Румынии благоприятное впечатление. С.А. Поклевский сообщал из Бухареста, что известия о победах русских и французов вызвали «взрыв энтузиазма и многолюдные манифестации»¹⁹.

Несмотря на отказ Бухареста принять предложение России, российско-румынские переговоры продолжились. В письме к С.А. Поклевскому министр иностранных дел С.Д. Сазонов отметил: «Необходимо не отталкивать Румынию и не порывать нити переговоров с нею, но и не спешить с выдачей положительных обязательств в обмен на голословные обещания»²⁰. Во второй половине сентября С.Д. Сазонов вместе с румынским посланником К. Диаманди выработали проект соглашения, по которому Россия обязалась признать за Румынией право присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии «в удобный для нее момент». Румыния же приняла на себя обязательство сохранять благожелательный по отношению к России нейтралитет до дня занятия указанных территорий²¹. При этом следует заметить, что державы Антанты не собирались оставлять за Румынией право определить момент ее выступления исключительно в соответствии с ее собственными интересами. По этому поводу французский министр иностранных дел Т. Делькассе писал: «...Здравый смысл и справедливость не допускают, чтобы румынское правительство этим подходящим моментом сочло момент, который знаменует конец войны. Раздел приобретений предполагает общность усилий для их достижения»²². Державы Антанты отнюдь не намеревались «даром» предоставить румынам возможность национального объединения, в качестве «платы» они потребовали, чтобы Румыния взяла на себя долю жертв и материальных потерь. В Бухаресте это прекрасно понимали. Относительно Буковины в проекте было указано, что основой разграничения между российской и румынской частями «явится принцип этнографического большинства населения»²³.

С.Д. Сазонов сообщил 26 сентября текст проекта С.А. Поклевскому. В случае согласия румынского правительства, писал С.Д. Сазонов, соглашение могло быть подписано в Петрограде путем обмена нотами с румынским посланником²⁴. 28 сентября 1914 г. С.А. Поклевский передал в Петроград просьбу премьер-министра Румынии определить границу в Буковине между российской и румынской частями по р. Прут²⁵. Российское правительство отказалось признать Прут будущей российско-румынской границей на Буковине.

В окончательном тексте документа (обмен нотами произошел 1 октября 1914 г.) было указано: «Что касается специально Буковины, то принцип большинства населения будет служить основанием для раз-

граничения территорий, которые должны быть присоединены к России или к Румынии. Это разграничение будет проведено после специального изучения вопроса на месте. С этой целью будет назначена смешанная комиссия, которая будет снабжена инструкциями, составленными в примирительном духе, одушевляющем оба правительства»²⁶. Сообщая С.А. Поклевскому об обмене нотами с румынским посланником, С.Д. Сазонов подчеркнул, что в Буковине разграничение будет произведено «на началах численного преобладания той или другой народности»²⁷. Следует отметить, что в данном вопросе С.Д. Сазонов придерживался позиции, объективно соответствовавшей национальным устремлениям населения Буковины.

Попытка румынского правительства воспользоваться сложностью этнической ситуации в Буковине и определить будущую границу по р. Прут не удалась. Следуя настоятельным советам ставки, российские дипломаты предпочли отложить вопрос о конкретной линии границы.

В обсуждении проблем, связанных с разделом Буковины между Россией и Румынией, принимали участие представители российских военных кругов. По указанию Николая II в середине сентября в Буковину был командирован Муравьев, старший секретарь дипломатической канцелярии при ставке. Его отчет о поездке и донесения сыграли существенную роль в определении позиции правительства. Основная задача Муравьева заключалась в выяснении наиболее желательного направления будущей границы в Буковине²⁸. По его мнению, самым оптимальным являлся вариант, предусматривавший проведение границы в Буковине в основном по р. Сучава²⁹.

В октябре 1914 г. военное положение ухудшилось, российские войска вынуждены были оставить Буковину. Репрессивные меры австрийских властей вызывали возмущение в Румынии. Известия из Буковины пробудили у многих враждебные по отношению к Австро-Венгрии настроения.

Взятие г. Сучава и занятие всей Буковины российскими войсками в декабре 1914 г. вновь поставило на повестку дня российско-румынских отношений вопрос о Буковине. После вторичного занятия Буковины в печати и даже в румынских военных кругах шла «непрестанно речь о приготовлениях к выступлению против Австрии»³⁰. Российские дипломаты в донесениях отмечали, что в общественном мнении Румынии укрепляется доверие к России, у здания российской миссии проходили дружественные манифестации³¹.

26 декабря 1914 г. директор дипломатической канцелярии при ставке Н.А. Кудашев по просьбе верховного главнокомандующего просил Министерство иностранных дел указать «желательные пределы, которыми надлежало бы ограничить сферу нашей администрации в Буко-

вине, не предпреляя вопроса об окончательном ее разграничении с Румынией»³². В ответ С.Д. Сазонов высказал мнение, что гражданское управление «предпочтительно ввести лишь в той части, которая будет окончательно за нами закреплена. Для определения границы этой части следует принять во внимание этнографические, стратегические и экономические условия, о коих всего лучше можно судить на месте. Согласно имеющемуся в министерстве материалу казалось бы, что таковой границей могла бы считаться линия реки Сучавы с отклонением к югу, начиная от ее истока далее на запад, согласно записке Муравьева»³³.

Выяснив к концу 1914 г. в общих чертах этническую ситуацию в области, правительство России в начале 1915 г. сочло возможным вновь предложить Румынии занять Южную Буковину. Однако попытка посланника в Бухаресте С.А. Поклевского «осторожно затронуть» этот вопрос в разговоре с И.И.К. Брэтиану 9 февраля закончилась неудачей. Выразив сожаление по поводу оставления российскими войсками этой провинции, И.И.К. Брэтиану ответил, что «лишь в случае войны выставит заслон со стороны Буковины»³⁴.

Таким образом, дважды (в сентябре 1914 г. и феврале 1915 г.) отвергалось предложение правительства России Бухаресту занять область, на которую претендовали румынские правящие круги. В России постепенно утвердилось мнение, что «цель Румынии овладеть Трансильванией и Буковиной, не принося жертв. Для достижения этой цели она намерена выжидать момента, когда австро-германские армии будут истощены, и Румынии возможно будет занять Трансильванию и Буковину без боя и с наименьшими расходами»³⁵.

После вторичного отказа румынского правительства вступить в Буковину военное ведомство России заняло особую позицию в отношении российско-румынского разграничения. Решающую роль в ее определении сыграли результаты миссии полковника генерального штаба А.А. Самойло, получившего в феврале 1915 г. приказ объехать Южную Буковину с целью выяснения желательной для России границы со стратегической точки зрения. Вывод его был следующим: по стратегическим соображениям следует присоединить всю Буковину, не уступая ничего Румынии³⁶. Такое же мнение разделял командующий российскими войсками в Буковине, командир 30-го армейского корпуса Вебель³⁷.

20 марта в Министерстве иностранных дел состоялось совещание по вопросу о Буковине, на котором полковник А.А. Самойло изложил указанную точку зрения военных кругов. С.Д. Сазонов возражал, обосновывая свою позицию тем, что «1) мы связаны известными обязательствами по отношению к Румынии, идущими вразрез с подобными

требованиями, и 2) он придает слишком большое значение сохранению на будущее время добрососедских отношений с Румынией, чтобы допустить неизбежное столкновение с последней на почве спора из-за тех земель с румынским населением, на которые вправе претендовать румыны»³⁸.

Твердая позиция С.Д. Сазонова, основанная на верности этнографическому принципу при разграничении в Буковине, вызвала недовольство представителей военного ведомства. Они сделали попытку обратиться непосредственно к царю. 30 апреля 1915 г. в записке начальника штаба верховного главнокомандующего И.Н. Янушкевича были изложены соображения по вопросу об установлении будущей границы в Буковине между Россией и Румынией с точки зрения военных кругов³⁹.

Этнографический принцип российско-румынского разграничения в Буковине, зафиксированный соглашением 1914 г., как будет показано ниже, в еще большей степени не устраивал румынскую правящую верхушку. К этому времени она уже выработала программу будущих «приобретений», далеко выходящую за рамки того, что можно было бы оправдать заботой об объединении румынского народа⁴⁰.

В конце марта 1915 г. румынское правительство официально заявило в Лондоне о решении выступить на стороне Антанты. Так как английский кабинет отказался вести переговоры о вступлении Румынии в войну за спиной России, румынскому правительству пришлось обратиться в Петроград⁴¹. Начался новый этап российско-румынских переговоров о разделе Буковины. Содержание его можно кратко сформулировать так: при определении границы в Буковине Румыния настаивала на отказе от этнографического принципа, союзники оказывали давление на Петроград, добиваясь уступок, а Министерство иностранных дел России, находясь между молотом и наковальней (Бухарестом и союзниками), медленно и неотвратно сдавало свои позиции.

1 мая 1915 г. С.А. Поклевский со слов И.И.К. Брэтиану сообщил о пожеланиях румынского правительства относительно будущей границы в Буковине по Пруту. Не отрицая, что «такая граница нарушила бы принцип национальности», И.И.К. Брэтиану заявил С.А. Поклевскому, что «румынское правительство придает первостепенное значение границе Прута в Буковине и Тиссы в Банате и что в случае нашего отказа от предоставления Румынии линии этих рек он лично не возьмет ответственности за участие Румынии в войне и предпочтет сохранить нейтралитет»⁴². То же румынский премьер заявил и союзникам России⁴³.

3 мая 1915 г. румынский посланник в Петрограде К. Диаманди передал министру иностранных дел России официальное предложение

своего правительства «немедленно выступить против Австрии, если державы согласятся вперед признать за Румынией право на присоединение части Австро-Венгрии в пределах», указанных Бухарестом⁴⁴. Однако это не соответствовало российско-румынскому соглашению от 1 октября 1914 г.⁴⁵

С.Д. Сазонов не скрыл от посланника своего удивления по поводу необычайно широких притязаний Румынии и твердо ответил, что Россия не может согласиться ни на линию Прута в Буковине, ни на предоставление Румынии всего Баната. Он напомнил, что между Россией и Румынией существует соглашение, в соответствии с которым будущее распределение земель зависит от состава населения, и заявил, что, по его мнению, следует придерживаться этого начала. В высшей степени характерен ответ К. Диаманди: соглашение «имело в виду нейтралитет Румынии, между тем как за военное содействие Румыния вправе получить нечто большее»⁴⁶. Иными словами, И.И.К. Брэтиану⁴⁷ и К. Диаманди открыто заявили: если хотите нашего участия в войне, то откажитесь от этнографического принципа в определении будущих границ. В конфиденциальных беседах с дипломатами Антанты румынские представители не скрывали, что за «дополнительный риск» вступления в войну в согласованный с державами Антанты срок они желают получить расширение территории, которое учитывало бы не только этнографические соображения.

Союзники России признали требования Румынии «чрезмерными»⁴⁸. Однако Лондон и Париж, поначалу поддерживавшие на словах союзника, затем, по мере ухудшения военного положения России, стали оказывать на нее давление с целью удовлетворения румынских притязаний⁴⁹. Используя неблагоприятное военное положение России и изменение позиции ее союзников, румынские правящие круги на переговорах прибегли к неприкрытому шантажу.

В Петрограде с самого начала считали, что, предъявляя преувеличенные территориальные требования, И.И.К. Брэтиану намеревается свалить вину за возможную неудачу переговоров на неуступчивость России⁵⁰. Не желая подавать для этого повода, российская дипломатия пыталась найти выход. В первых числах мая С.Д. Сазонов твердо заявил: «Россия не может никогда принять Прут как северную границу; пойти на это значило бы отдать Румынии русское население, которое желало быть присоединенным к русской империи». Вместе с тем он выразил готовность «постараться найти подходящую границу путем взаимных уступок»⁵¹, объем которых указывался в записке, составленной в ставке верховного главнокомандующего 11 мая 1915 г.⁵² Однако И.И.К. Брэтиану не обнаружил никакого желания достичь компромиссной договоренности. С его стороны одно за другим следовали заявле-

ния посланникам Антанты, что Румыния не выступит, если ей не будут гарантированы требуемые ею границы⁵³.

14 мая 1915 г. С.Д. Сазонов направил С.А. Поклевскому для вручения румынскому правительству памятную записку с наметкой детального разграничения между Россией и Румынией (по линии р. Сучава). Министр иностранных дел писал: «Я по-прежнему придаю значение налажению между Россией и Румынией прочных добрососедских отношений»⁵⁴, однако «нельзя требовать, чтобы мы для этого пожертвовали своими соплеменниками и справедливыми чаяниями» сербского народа только потому, что И.И.К. Брэтиану «вздумалось широко очертить вожделения Румынии, которая еще недавно и не мечтала о подобных приращениях»⁵⁵. Но в Бухаресте не внимали таким доводам.

18 мая румынский премьер-министр сделал Петрограду неожиданное сообщение, что Румыния предполагает «со временем» оккупировать австро-венгерские провинции с румынским населением, на что ей дает право соглашение от 1 октября 1914 г.⁵⁶ Таким образом, не связывая себя обязательством вступления в вооруженную борьбу, И.И.К. Брэтиану надеялся в конце войны получить ее плоды без всяких усилий. С.А. Поклевскому пришлось разъяснить главе румынского правительства истинный смысл соглашения от 1 октября 1914 г., которое, как отметил посланник, «носит чисто переходный характер к соглашению о военной кооперации»⁵⁷. По поводу этого демарша румынской дипломатии директор канцелярии Министерства иностранных дел России М.Ф. Шиллинг писал 8 июня, что И.И.К. Брэтиану неоднократно злоупотреблял согласием российского правительства не оглашать сделанных Румынии предложений, значение же заключенного в октябре 1914 г. соглашения «было им совершенно извращено с целью оправдать свою политику»⁵⁸.

Претензии румынской олигархии нашли известную поддержку у французского министра иностранных дел Т. Делькассе, который 19 мая в качестве «среднего решения» предложил российскому правительству признать р. Сирет будущей российско-румынской границей в Буковине⁵⁹. Уступая настойчивому нажиму союзников, С.Д. Сазонов дал формальное согласие на предложение Т. Делькассе⁶⁰. Однако румынское правительство не удовлетворилось и этой уступкой, о чем И.И.К. Брэтиану заявил 22 мая французскому посланнику Блонделю⁶¹. Румынский Совет министров отверг российское предложение и одобрил решение И.И.К. Брэтиану добиваться в качестве границы линии Прута. В румынской печати появились сообщения о ведущихся в Петрограде переговорах, в которых России приписывалась неуступчивость, комментировавшаяся, по сообщению С.А. Поклевского, «в довольно враждебном тоне»⁶².

Несогласованность, противоречия между союзниками по Антанте укрепляли надежды румынской олигархии на то, что Россия будет вынуждена пойти на дальнейшие уступки⁶³. Так и произошло в действительности. Во время тяжелых неудач на Восточном фронте, когда российская армия вела борьбу с силами Германии, Австро-Венгрии и Турции, Англия и Франция решили принести в жертву интересы России в Буковине и Угорской Руси, чтобы добиться немедленного выступления Румынии на стороне Антанты⁶⁴. С этой целью они усилили давление на Петроград.

В конце мая 1915 г., когда российские войска отступали из Галиции и Польши, оставили Буковину, изменилась и позиция военного ведомства России, которое ранее не придавало особого значения военной поддержке со стороны Румынии. В письме верховного главнокомандующего С.Д. Сазонову от 7 июня говорилось, что с чисто военной точки зрения «выступление Румынии при теперешней обстановке на театре военных действий является весьма желанным», и что «если будет признано пойти на уступки, то только при условии немедленного выступления Румынии, при котором эти уступки могут найти себе оправдание»⁶⁵. Мнение ставки в этой ситуации оказалось решающим. На личном докладе С.Д. Сазонова 8 июня у Николая II в Царском Селе было решено «сделать еще новые уступки румынским требованиям»⁶⁶ с тем, чтобы добиться вступления Румынии в войну.

На следующий день, 9 июня, С.Д. Сазонов просил посланника в Бухаресте выяснить, «через сколько дней после того, как состоится соглашение, мы можем рассчитывать на объявление Румынией войны Австро-Венгрии». Только в случае немедленного (через несколько дней) выступления Румынии Россия пойдет на «значительную жертву, а именно: принять в Буковине... границу с уступкой Румынии города Черновцов»⁶⁷.

Поскольку Россия согласилась пойти на удовлетворение румынских требований, с 9 июня главным в переговорах стал вопрос об определении момента выступления Румынии. Взамен территориальных уступок Россия добивалась быстрее вступления Румынии в войну на стороне Антанты, а Бухарест всячески оттягивал решение вопроса. «Расчет понятен: заручившись нашими уступками, потом тянуть дело под предлогом военного соглашения, пополнения запасов и т. д.»⁶⁸, - писал в эти дни Н.А. Кудашеву директор канцелярии Министерства иностранных дел России М.Ф. Шиллинг.

21 июня С.Д. Сазонов предложил румынскому правительству принять обязательство выступить против Австро-Венгрии не позже, чем через пять недель. Он писал: «Россия, со своей стороны, выказала крайнюю сговорчивость, отступив даже от этнографического начала при

проведении будущего разграничения... Само собой разумеется, что если по заключению с ними договора на вышеизложенных условиях Румыния все-таки в установленный срок не выступит, то все сделанные нами предложения относительно будущих разграничений отпадут»⁶⁹. В ответ И.И.К. Брэтиану выразил «глубокую радость по поводу предоставления Румынии Буковины по Прут с городом Черновцами», но продолжал торговаться по поводу Баната, а также срока будущего выступления⁷⁰.

Чтобы «не порывать переговоров, не исчерпав всех средств к привлечению Румынии»⁷¹, российское правительство по соглашению с Францией и Англией 10 июля 1915 г. приняло решение полностью удовлетворить все требования И.И.К. Брэтиану, а именно уступить Румынии Буковину по Прут, Угорщину по Тиссу и весь Банат под незыблемым условием выступления Румынии не позже, чем через пять недель со дня подписания политического соглашения⁷². Однако внешнеполитическая активность Бухареста угасала по мере ухудшения дел на фронте.

Видя нежелание И.И.К. Брэтиану брать на себя конкретные обязательства, Министерство иностранных дел России попыталось найти поддержку у союзников по Антанте. 14 мая 1915 г. оно обратилось к французскому, английскому и итальянскому посольствам с памятной запиской. В ней отмечалось, что уступки Бухаресту были сделаны «в целях обеспечения помощи Румынии именно в настоящее время. Поэтому, если целью никоим образом не может быть достигнута, представляется излишним давать в Бухаресте обещания уступок, которые не имели бы других последствий, кроме возбуждения недовольства русского общественного мнения и горячих протестов Сербии»⁷³.

В беседе с К. Диаманди 26 июля М.Ф. Шиллинг заметил, что И.И.К. Брэтиану «сеет семена будущих распри между румынами и теми, кто является их естественными союзниками»⁷⁴.

Однако все уступки, сделанные Бухаресту, оказались напрасными, румынская олигархия не торопилась вступать в вооруженную борьбу. Политическое соглашение Румынии с Антантой должно было быть выработано посланником России в Бухаресте совместно с И.И.К. Брэтиану, одобрено другими союзными державами и затем подписано представителями всех сторон⁷⁵. Премьер-министр Румынии остался верен своей тактике. Сославшись на противодействие коллег по кабинету, он отказался подписать составленное на его условиях соглашение⁷⁶. 21 августа 1915 г. четырехмесячные интенсивные переговоры с Румынией были приостановлены. В этот день И.И.К. Брэтиану заявил, что считает «окончательно установленной» договоренность с российским правительством и его союзниками относительно румынских

территориальных притязаний⁷⁷. Российскому посланнику он сказал, что рассматривает неподписанное соглашение как существующее и будет в соответствии с этим поступать в будущем⁷⁸. От русской стороны на это заявление не последовало ни согласия, ни возражений.

С юридической точки зрения переговоры 1915 г. не имели результата. «Договоренность», в существовании которой румынский премьер-министр пытался убедить правительство России, была его односторонней трактовкой ситуации. На деле же соглашение не было заключено, а словесные обязательства И.И.К. Брэтиану остались невыполненными.

В конце 1915 - начале 1916 г. после разгрома Сербии и вступления в войну Болгарии создались более благоприятные условия для деятельности австро-германских представителей в Румынии. Распространились слухи, что Германия предложила румынскому правительству Буковину за одно лишь соблюдение нейтралитета⁷⁹. М.Ф. Шиллинг справедливо считал подобное предложение «весьма сомнительным»⁸⁰. Представители Центральных держав неохотно давали Румынии обещания территориальных уступок, считая, что вопрос о вступлении ее в войну решается «на поле боя», т. е. зависит от того, на чью сторону склонится военное счастье. Ориентация на Антанту сулила румынским правящим кругам несравненно большие выгоды.

31 октября 1915 г. С.А. Поклевский высказал мнение, что время зондирования почвы прошло, нужно «прямо вести переговоры о выступлении Румынии»⁸¹. И.И.К. Брэтиану выразил пожелание, чтобы выступлению предшествовало подписание не только политического соглашения, но и военной конвенции⁸². В конце января 1916 г. военным агентом России в Румынии был назначен полковник генерального штаба А. Татаринов, которому поручили «выяснить вопрос об искренности намерения» И.И.К. Брэтиану заключить военное соглашение и установить его основы⁸³.

Решающее влияние на ход переговоров о вступлении Румынии в войну оказало, как справедливо отметил В.Н. Виноградов, наступление русской армии на Юго-Западном фронте (Брусиловский прорыв)⁸⁴. В конце июня переговоры вступили в заключительную стадию. 8 августа 1916 г. был согласован проект политического соглашения между Россией, Великобританией, Францией, Италией, с одной стороны, и Румынией - с другой⁸⁵. В нем нашли отражение результаты обмена мнениями и зафиксированы уступки, выторгованные румынским правительством в 1915 г.; в Буковине будущей границей между Россией и Румынией была обозначена р. Прут. 17 августа подписаны политическое соглашение и военная конвенция, а через 10 дней Румыния вступила в войну⁸⁶.

Вопрос о разделе Буковины с начала первой мировой войны занимал существенное место во взаимоотношениях Петрограда и Бухареста, хотя он был связан с ходом военных действий, а также с вопросами о других территориях, на которые претендовали румынские правящие круги.

Соглашение от 1 октября 1914 г. исходило из необходимости раздела Буковины между Россией и Румынией, но оставляло открытым вопрос о конкретной линии границы. Основой будущего разграничения являлся этнографический принцип, который, несмотря на давление военных кругов, оставался постоянной позицией российского правительства по данному вопросу. Объективно такое решение соответствовало национальным чаяниям народов, населявших Буковину.

Используя военные неудачи Антанты и противоречия в ее стане, румынская олигархия в 1915 г. выдвинула территориальные требования, ничего общего не имевшие с этнографическим принципом. Названные обстоятельства и предопределили, несмотря на незавершенность переговоров 1915 г., тот факт, что по договору 1916 г. румынские правящие круги получили от Антанты признание своих далеко идущих притязаний.

Румынская политическая элита вела торг в течение двух лет. Его результаты легли в основу договора 1916 г., который оказался юридически и политически обесцененным последующим развитием событий. Заключив сепаратный договор с Германией в мае 1918 г., Румыния нарушила статью V политического соглашения от 17 августа 1916 г. и тем самым лишила его юридической силы. Свои долголетние притязания правящие круги Румынии смогли обеспечить только путем прямой агрессии. Вслед за захватом Бессарабии в январе 1918 г. в ноябре того же года Румыния оккупировала и Северную Буковину с преимущественно русинским населением. Аннексия Северной Буковины Румынией была оформлена мирным договором союзников с Австрией, подписанным в Сен-Жермене 10 сентября 1919 г.⁸⁷ Державы Антанты, диктовавшие свою волю на мирной конференции, пошли на это, поскольку считали Румынию одним из оплотов борьбы против «всемирного большевизма», звеном в «санитарном кордоне» против Советской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. 1. М.; Л., 1946; *Он же.* Бухарестский мир 1918 г. М., 1959; *Емец В. А.* Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915-1916 гг.) // Исторические записки. Т. 56. М., 1966; *Виногра-*

дов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; *Он же*. Внутриполитическая борьба в Румынии накануне ее вступления в первую мировую войну // Новая и новейшая история. 1962; *Он же*. Вступление Румынии в первую мировую войну и разногласия в стане Антанты // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976. Вып. 2; *Он же*. Об участии Румынии в первой мировой войне // Вопросы истории. 1982. № 8.

2. *Atanasiu V.*, ect. *România în primul război mondial*. București, 1979; *Nuțu C.* *România în anii neutralității (1914-1916)*. București, 1972; *Pascu Ș.* *Făurirea statului național unitar roman*. Vol. I. București, 1983.

3. См.: *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. С. 43; Царская Россия в мировой войне. Т. 1. Л., 1925. № 5. С. 147-148, 152.

4. О российско-румынских отношениях накануне войны см.: *Агаки А.С.* Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX – начале XX в. Кишинев, 1976; *Кросс Б.Б.* Вступление Румынии во вторую балканскую войну и русская дипломатия // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та. Т. 502. Л. 1971; *Он же*. Предпосылки русско-румынского сближения накануне первой мировой войны // Там же; *Он же*. Русская дипломатия и Румыния накануне первой мировой войны // История СССР. 1971. № 4; *Он же*. Русско-румынские дипломатические отношения накануне первой мировой войны // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. Вып. 2. М., 1976 и др.

5. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. (Далее: МОЭИ). Сер. 3. М.; Л., 1935. Т. 6. Ч. 1. № 22. С. 21.

6. *Нотович Ф.И.* Бухарестский мир... С. 24-29.

7. Царская Россия в мировой войне. Т. 1. Л., 1925. С. 157.

8. См.: *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. 1. С. 252-257.

9. Царская Россия в мировой войне. № 32. С. 160.

10. МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. № 258. С. 252.

11. Царская Россия в мировой войне. № 34. С. 161.

12. МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. Прим. 2 к № 263. С. 257.

13. Царская Россия в мировой войне. № 38. С. 163.

14. МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. Прим. 2 к № 263. С. 257.

15. Там же. № 282. С. 276-277.

16. Там же. Прим. 4 к № 258. С. 253.

17. Там же. № 288. С. 282-283.

18. Там же. Прим. 2 к № 282. С. 277.

19. Там же. Прим. 1 к № 282. С. 277.

20. Царская Россия в мировой войне. № 26. С. 158.

21. Там же. № 41. С. 166.

22. МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. № 16. С. 19. Обстоятельный анализ соглашения, его возможных последствий см.: *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. С. 122-130.

23. Царская Россия в мировой войне. № 41. С. 166.

24. МОЭИ, Т. 6. Ч. 1. № 317. С. 313.

25. Царская Россия в мировой войне. № 42. С. 166.
26. МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. № 340. С. 342.
27. Царская Россия в мировой войне. № 44. С. 167.
28. МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. Прим. 3 к № 258. С. 252.
29. Там же. Ч. 2. Прим. 2 к № 694. С. 267.
30. Царская Россия в мировой войне. № 60. С. 176.
31. МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. Прим. 4 к № 319. С. 413.
32. Там же. Т. 6. Ч. 2. Прим. 1 к № 694. С. 267.
33. Там же. № 694. С. 267.
34. Там же. Т. 7. Ч. 1. № 165. С. 217.
35. Царская Россия в мировой войне. № 51. С. 171.
36. МОЭИ. Т. 7. Ч. I. № 210. С. 277-282.
37. Там же. Прим. к № 210. С. 277-278.
38. Там же. № 401. С. 528-529.
39. Там же. Ч. 2. № 649. С. 303-306.
40. *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. С. 32.
41. *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. С. 470-471.
42. Царская Россия в мировой войне. № 69. С. 181-182.
43. МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. Прим. 1 к № 654. С. 314.
44. Там же. № 672. С. 335-336.
45. Там же. № 669. С. 333.
46. Там же. № 672. С. 336.
47. Ведение внешней политики страны было на деле исключительно прерогативой премьер-министра, его дипломатическая деятельность являлась по существу бесконтрольной.
48. Царская Россия в мировой войне. № 68. С. 181.
49. Подробно о политике союзников России на этом этапе российско-румынских переговоров см.: *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. С. 469-539.
50. МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. № 696. С. 370.
51. Там же. Прим. 2 к № 696. С. 370.
52. Там же. № 734. С. 410-411.
53. Там же. № 753. С. 442.
54. Там же. № 757. С. 44-449; Царская Россия в мировой войне. № 80. С. 186-188.
55. МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. № 758. С. 449-450.
56. Царская Россия в мировой войне. № 82. С. 189.
57. МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. № 783. С. 476.
58. Там же. Т. 8. Ч. 1. Прим. 5 к № 151. С. 190.
59. Царская Россия в мировой войне. № 83, 84. С. 190.
60. МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. № 796. С. 487-488.
61. Там же. № 814. С. 508.
62. Царская Россия в мировой войне. № 86. С. 191.
63. *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. С. 484.

64. Там же. С. 491.
65. МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. № 78. С. 111.
66. Там же. № 81. С. 113.
67. Там же. № 83. С. 114-115.
68. Там же. № 119. С. 152.
69. Там же. № 151. С. 188-189.
70. Там же. № 170. С. 207-208; № 185. С. 226-228.
71. Там же. Прим. 4 к № 151. С. 188.
72. Царская Россия в мировой войне. № 98. С. 198-199.
73. МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. № 310. С. 397-398.
74. Там же. № 381. С. 493.
75. Царская Россия в мировой войне. № 100. С. 199.
76. *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. С. 139.
77. История Румынии. 1848-1917. М., 1971. С. 540.
78. МОЭИ. Т. 8. Ч. 2. № 552. С. 118.
79. Там же. Т. 9. Прим. I к № 457. С. 476; Т. 10. № 68. С. 71; № 204. С. 209.
80. Там же. Т. 10. № 204. С. 209.
81. *Виноградов В. Н.* Об участии Румынии в первой мировой войне. С. 61.
82. МОЭИ. Т. 9. № 123. С. 116.
83. Там же. Т. 10. № 126. С. 135; № 331. С. 360. Подробно о миссии А. Татаринова см.: *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. С. 149-150.
84. *Виноградов В. Н.* Об участии Румынии в первой мировой войне. С. 61.
85. Царская Россия в мировой войне. № 134. С. 224.
86. *Ключников Ю. В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. М. 1926. С. 50-51.
87. Очерки политической истории Румынии (1859-1944). Кишинев, 1985. С. 193-194, 198-205.

**Журнал
консервативной мысли
"Золотой Лев":
www.zlev.ru**